

Иногда
один взгляд
меняет всё...

Осень в венах

— ЛИРА ОСКОЛЬСКАЯ —

Ли́ра Оско́льская

Осень в венах

«Автор»

2026

Оскольская Л.

Осень в венах / Л. Оскольская — «Автор», 2026

Я не верю в любовь с первого взгляда. Во взгляды вообще верю с осторожностью, особенно если мужчина смотрит на тебя слишком внимательно и при этом улыбается так, будто вы уже знакомы. В тот вечер я просто ждала автобус. Был дождь, промокшие волосы, испорченное настроение и твёрдое намерение добраться домой, не вступая ни с кем в разговоры. Потом рядом сел он. Всего несколько минут разговора, пара случайных шуток и странное ощущение, которое я решила списать на осень. Конечно, я ошиблась. Потому что некоторые люди появляются в нашей жизни совершенно случайно. А потом почему-то остаются в ней гораздо дольше, чем собирались. Особенно если у них янтарные глаза.

© Оскольская Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остановка	5
Глава 2. Янтарь.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Ли́ра Оскольская

Осень в венах

Глава 1. Остановка

В октябре дождь умеет испортить даже те планы, которые изначально были настолько скучными, что портить их, казалось бы, уже некуда. Я сидела под навесом на остановке, поджав под себя одну ногу, и смотрела на дорогу, по которой мой автобус должен был приехать минут пятнадцать назад. Судя по тому, как быстро темнело, водитель решил, что сегодня ему тоже хочется немного пожить для себя, а пассажиры как-нибудь справятся.

Я бы даже не удивилась. Мой автобус вообще отличался удивительной способностью появляться именно тогда, когда я уже переставала его ждать. Стоило мне один раз махнуть рукой и вызвать такси - и через тридцать секунд из-за поворота выкатывалось это старое чудовище с номером нужного маршрута, словно специально следившее за моими расходами. Сегодня такси я вызвать не могла. Последние деньги на него закончились ещё неделю назад, когда я после работы решила, что совершенно заслужила поездку с комфортом. Тогда мне казалось, что семьсот с лишним рублей — не такая уж большая сумма. Сегодня, глядя на дождь и на пустую дорогу, я была готова признать: сумма была огромной, исторической и, возможно, судьбоносной.

На мне было тонкое пальто, которое прекрасно смотрелось утром и совершенно не соответствовало погоде вечером. Волосы, ещё час назад собранные в аккуратный хвост, теперь выбились на висках и неприятно липли к щекам. Под кроссовками хлюпала вода, а в наушниках гремела музыка, от которой, наверное, у женщины лет пятидесяти случился бы лёгкий сердечный приступ. Мне двадцать девять, я работаю тренером по хореографии в детском центре и большую часть своей жизни провожу среди людей, которые считают нормальным спросить, можно ли сегодня не делать растяжку, потому что «у Маши болит настроение». После пяти часов с детьми тяжёлая музыка была для меня не развлечением. Это была терапия. Я прибавила звук и уставилась на дорогу. За стеклом остановочного павильона расплывались жёлтые фонари, машины проходили по мокрому асфальту, разбрызгивая воду, а ветер гонял по тротуару листья, которые уже успели превратиться из красивого осеннего декора в мокрую коричневую кашу. Осень вообще довольно быстро теряет романтику, если у тебя промокли носки. Я посмотрела на телефон. Двадцать минут.

— Прекрасно, — пробормотала я.

Телефон, разумеется, не поддержал меня. Заряд оставался на двенадцати процентах, автобус отсутствовал, настроение находилось где-то в районе нуля, а завтра с утра мне снова предстояло объяснять восьмилетним девочкам, почему танцевать «как в клипе» без разминки — идея примерно такая же хорошая, как прыгать с дивана на кафельный пол. Я убрала телефон в карман и откинулась на спинку скамьи. Вот так и выглядит взрослая жизнь, если честно. В двадцать девять ты уже умеешь оплачивать коммуналку, самостоятельно записываться к врачу, разбираться с налогами и делать вид, что понимаешь, куда исчезают деньги. У тебя есть собственная квартира, которую ты когда-то считала главным доказательством того, что состоялась, и холодильник, в котором почему-то постоянно заканчивается сыр. Зато никто не говорит, что пора домой. Никто не спрашивает, где ты была. Никто не требует объяснить, почему ты пришла в половине десятого вечера. Свобода, конечно, замечательная вещь. Особенно когда сидишь одна под дождём и ждёшь автобус. Я уже начала всерьёз рассматривать вариант пешей прогулки, хотя до дома было почти сорок минут, когда со стороны перекрёстка появился мужчина. Он шёл быстро, почти бежал, придерживая одной рукой капюшон куртки. Видимо, заметил

автобус или, как и я, решил не проверять судьбу на прочность. На последних нескольких метрах он всё-таки перешёл на бег и влетел под навес буквально за секунду до того, как очередной порыв дождя ударил по стеклу.

Я невольно посмотрела на него поверх телефона. Высокий. Тёмная куртка, джинсы, мокрые волосы, на которых поблёскивали капли воды. Вид у него был такой, будто он только что выиграл небольшую личную битву с погодой, хотя победа явно была сомнительной. Он несколько секунд просто стоял, переводя дыхание. Потом провёл ладонью по волосам и посмотрел на дорогу. Я снова отвернулась. Мне совершенно не хотелось разговаривать. Вообще ни с кем. Это состояние хорошо знакомо всем взрослым людям: ты ещё не настолько устал, чтобы потерять сознание, но уже достаточно, чтобы любое человеческое обращение воспринимать как покушение на личное пространство.

Мужчина посмотрел на свободный край скамьи. Потом на меня. Я сделала вид, что не заметила. Он немного подождал.

— Извините, можно присесть?

Я вытащила один наушник. — Конечно.

Он сел, оставив между нами вполне приличное расстояние. Я снова вставила наушник. И мысленно очень вежливо попросила его молчать. Пожалуйста. Просто посидим рядом, как два совершенно нормальных незнакомых человека. Вы смотрите на дорогу, я смотрю на дорогу. Автобус когда-нибудь приедет, мы оба разойдёмся и больше никогда друг друга не увидим. Это был идеальный план.

К сожалению, мужчины редко чувствуют момент, когда женщина всем своим видом сообщает миру: **оставьте меня в покое, я сегодня уже достаточно разговаривала с человеком**. Он некоторое время молчал. Я почти расслабилась. Потом услышала:

— Вы тоже этот автобус ждёте?

Я медленно повернула голову. Он смотрел на меня совершенно серьёзно. Я сняла наушник.

— Нет. Я просто люблю сидеть под дождём на остановке.

Он посмотрел на меня, потом на пустую дорогу и снова на меня. В его глазах мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Тогда извините. Не хотел вмешиваться в ваш вечерний ритуал.

Я не удержалась и тоже улыбнулась. Совсем чуть-чуть.

— Ничего. Сегодня он всё равно идёт с задержкой.

— Автобус?

— Ритуал.

Он тихо рассмеялся. И вот тут я впервые нормально на него посмотрела. У него были странные глаза. Янтарные. По крайней мере, сначала я решила именно так. Тёплый золотисто-коричневый оттенок, который особенно заметно выделялся на фоне тёмной куртки и мокрых волос. Я задержала взгляд буквально на секунду дольше, чем собиралась.

— Что?

— Ничего.

— Вы так посмотрели.

— Я просто смотрела.

— А я уже начал переживать.

— Не стоит. У меня просто плохое настроение.

— Тогда я тем более переживаю.

Я снова усмехнулась и отвернулась к дороге. Странно. Ещё минуту назад мне хотелось, чтобы этот человек исчез, а теперь я уже разговаривала с ним, хотя даже имени его не знала. Наверное, дождь действует на людей как-то неправильно. Или дело было в том, что иногда совершенно случайный человек оказывается рядом именно в тот момент, когда тебе особенно

не хочется оставаться наедине со своими мыслями. Я посмотрела на часы. Двадцать пять минут задержки. Мой автобус всё ещё не появлялся.

Мужчина рядом со мной вздохнул и тоже посмотрел на дорогу.

— Похоже, у нас один и тот же враг.

— Если вы про автобус, то да.

— Я именно про него.

— Хорошо. А то мало ли.

Он снова улыбнулся. И почему-то в этот момент его глаза показались мне чуть светлее. Я списала это на фонари. На дождь. На всё что угодно, лишь бы не думать о том, почему я вообще продолжаю на него смотреть. Потому что это был совершенно незнакомый мужчина. А я уже успела заметить цвет его глаз. И это, если честно, было немного подозрительно. Особенно для женщины, которая ещё пять минут назад мечтала только об одном: чтобы никто с ней не разговаривал.

Автобус появился ровно тогда, когда я окончательно перестала в него верить. То есть, разумеется, не тогда, когда я ещё выглядела человеком, способным выйти из транспорта и продолжить вечер без морального ущерба. Он дождался момента, когда вода успела добраться до штанин, волосы предательски распушились в разные стороны, а носки окончательно перестали иметь сухую часть.

Я заметила его вдалеке и даже не сразу обрадовалась. Сначала просто посмотрела. Потом ещё раз. И только когда убедилась, что это действительно мой маршрут, а не очередная крупногабаритная иллюзия уставшей женщины, поднялась со скамьи.

— Наконец-то, — сказала я.

Мужчина тоже встал.

— Думаю, он почувствовал, что вы готовы уйти пешком.

— Я была готова на многое. Когда у человека промокли штанины, он способен на очень решительные поступки.

Он посмотрел на мои брюки и кивнул с таким видом, будто получил важное подтверждение собственной теории.

— Тогда хорошо, что автобус всё-таки приехал.

Я хотела ответить что-нибудь язвительное, но автобус уже подъезжал, шипя тормозами и обдавая остановку очередной порцией грязной воды. В этот момент я окончательно поняла, что жизнь не собирается сегодня меня баловать. Мы вошли почти одновременно. Внутри было тепло, пахло мокрой одеждой, резиной и чем-то сладким, видимо из чьего-то пакета. Народу оказалось меньше, чем я ожидала, поэтому мы без труда нашли свободные места. Я сразу направилась в конец салона. Мне нравилось сидеть там. Можно было смотреть в окно, никому не мешать и чувствовать себя хотя бы условно изолированной от человечества. Мужчина выбрал место ближе к началу автобуса. И это было правильно. Мы уже поговорили достаточно. Для одной остановки - даже слишком. Я сняла мокрый шарф, положила его рядом и достала телефон. Заряд показывал девять процентов. Прекрасный результат для вечера, который начинался с желания просто спокойно доехать домой.

Автобус тронулся. За окном поплыли мокрые улицы, фонари отражались в лужах длинными золотыми полосами, а капли на стекле превращали город в немного размытый акварельный рисунок. Я смотрела в окно и постепенно успокаивалась. Несколько раз я замечала его отражение в стекле впереди, но каждый раз отводила взгляд. В какой-то момент поймала себя на том, что пытаюсь вспомнить, какого именно оттенка были его глаза.

Янтарные. Точно. Хотя почему-то казалось, что минуту назад они были немного темнее. Наверное, освещение или просто мне показалось. Когда автобус подъехал к моей остановке, я встала, поправила сумку и протиснулась к выходу. На ходу успела взглянуть на себя в тёмное

стекло двери и тяжело вздохнула. Волосы выглядели так, будто последние полчаса я провела не под навесом, а в центре небольшого стихийного бедствия. Ладно. Дома разберусь.

Я уже взялась за поручень, когда услышала за спиной:

— Удачи с ритуалом.

Я обернулась. Мужчина сидел у окна и смотрел прямо на меня. И в этот момент я снова увидела его глаза. Янтарные. Тёплые, почти золотые в свете салонной лампы. И совершенно невозможно было понять, почему они вдруг показались мне другими. Я задержалась на секунду.

— Спасибо, — сказала я.

Двери открылись, и я вышла под дождь. Автобус сразу тронулся, оставив после себя шипение колёс, облако брызг и странное ощущение, будто я только что закрыла какую-то маленькую, совершенно неважную сцену своей жизни. Я поправила сумку и пошла к дому. На третьем шаге остановилась. Янтарь. Вот что мне вдруг пришло в голову. Надо будет купить себе какой-нибудь талисман с янтарём. Чисто для профилактики, мало ли. Осень, дождь, задержавшийся автобус и незнакомец с янтарными глазами - слишком много совпадений для одного вечера. Я снова пошла домой, решив, что завтра забуду об этом разговоре. Разумеется, я ошибалась.

Глава 2. Янтарь.

Утром я проснулась с совершенно ясным ощущением, что вчерашнего вечера не было. Это было бы удобно. Можно было бы спокойно встать, выпить воды, принять душ, собрать волосы и продолжить жизнь с того места, на котором она находилась до остановки, дождя и незнакомого мужчины с янтарными глазами. Но память, как назло, оказалась упрямой. Я вспомнила всё. Автобус. Мокрые штанины. Свои волосы, которые после дождя приобрели собственное мнение относительно причёски. И его. Особенно глаза. Я лежала на спине и смотрела в потолок, пытаясь понять, почему вообще об этом думаю. В конце концов, мало ли у человека красивые глаза. У людей бывают красивые глаза, носы, улыбки, голоса, руки. Иногда всё это умудряется находиться одновременно у одного человека, и это ещё не означает, что надо писать об этом стихи и покупать совместную ипотеку.

Я перевернулась на бок и посмотрела на часы. Почти девять. Я обычно вставала раньше. По утрам у меня был свой маленький ритуал, который я соблюдала почти всегда: прогулка по парку, пока город ещё не успел окончательно проснуться. Летом это было особенно приятно, осенью — вообще отдельная история. После прогулки я возвращалась домой, принимала душ, завтракала и уже потом ехала на работу. Мне нравилось начинать день не с телефона. Хотя бы первые сорок минут делать вид, что никакого телефона, мессенджеров и людей, которым почему-то срочно понадобилось написать мне в восемь утра, не существует. Я встала, прошла на кухню, поставила чайник и только потом вспомнила про вчерашние кроссовки.

Вот тут началась настоящая трагедия. Я открыла дверь в прихожую, посмотрела на пол и замерла. Кроссовки стояли там же, где я вчера их бросила. Мокрые. Вялые. Несчастные. С выражением двух существ, которые уже давно смирились со своей судьбой.

— Вот же чёрт, — сказала я.

Вчера после душа я собиралась поставить их сушиться, но в итоге почему-то решила, что утром сама собой решится проблема. Видимо, рассчитывала на чудо. Чудо не произошло. Я присела, потрогала носок одного кроссовка и сразу убрала руку.

— Даже не надейся.

На прогулку в них идти было невозможно. Вариантов оставалось два: отменить свою утреннюю прогулку или найти другую обувь. Я оглядела прихожую. Ботинки. Сапоги. Ещё одни кроссовки, которые я берегла для занятий и не хотела превращать в уличную обувь. Ботинки я отвергла сразу. После вчерашнего дождя в парке будет грязно, а таскаться по мокрым дорожкам в кожаной обуви мне совершенно не хотелось. Я уже собиралась смириться с нарушением собственного распорядка, когда вдруг вспомнила вчерашнюю мысль.

Янтарь. Остановилась. Постояла. И сама себе сказала:

— Ну а почему бы и нет?

Вчера это казалось случайной мыслью. Сегодня — вполне разумной идеей. Талисман. Небольшой кулон. Я вообще любила украшения. Не те тоненькие цепочки, которые нужно рассматривать с лупой, чтобы понять, что на них что-то есть, а нормальные вещи. С характером. Кольца, серьги, браслеты, подвески.

Мне нравилось, когда украшение было заметно. Наверное, именно поэтому у меня никогда не было комплексов по поводу крупных серёжек или тяжёлых металлических браслетов. При моей внешности это иногда выглядело забавно: люди, которые видели меня впервые, обычно ожидали услышать что-нибудь из лёгкого попса, а потом я садилась в машину, включала тяжёлую музыку и ехала домой так, будто собиралась захватить соседний район.

Я посмотрела на себя в зеркало.

— Янтарь, — сказала я своему отражению. — Просто янтарь.

Никаких мужчин. Никаких автобусов. Никаких странных взглядов. Просто красивый камень. Очень взрослое решение. Через двадцать минут я уже была на улице. Погода за ночь словно решила извиниться за вчерашнее. Небо очистилось, солнце светило неожиданно ярко, а воздух был свежим и прозрачным после дождя. Октябрь, который ещё вчера казался промозглым и злым, сегодня снова вспомнил, что вообще-то умеет быть красивым. Я шла к небольшому магазинчику украшений, который находился недалеко от парка, и с удовольствием подставляла лицо солнцу.

После дождя город выглядел иначе. Асфальт ещё блестел, в углублениях между плитками стояла вода, а деревья уже почти полностью сменили летнюю зелень на багрец и золото. Листья лежали на дорожках плотным ковром, шуршали под ногами и иногда срывались с веток, кружась в воздухе перед самым лицом. Осень была одета именно так, как ей и положено в хороших книгах: в багрец и золото. Жаль только, что хорошие книги обычно не рассказывают, как потом всё это великолепие приходится убирать дворникам. Я свернула к парку и какое-то время шла медленнее. Здесь я гуляла почти каждый день. Мне нравилось это место ещё и потому, что оно не требовало от меня ничего. В парке можно было не быть тренером, не быть дочерью, подругой, соседкой, ответственной взрослой женщиной, которая знает, куда положила документы и почему в холодильнике опять нет нормальной еды.

Здесь я была просто собой. Женщиной, которая иногда разговаривает сама с собой, слишком много тратит на украшения и считает, что нормальная жизнь обязательно должна включать музыку погромче. Я прошла по знакомой аллее, свернула к пруду и вдруг снова подумала о том, что давно занимало мои мысли гораздо серьёзнее, чем я хотела себе признавать. Студия. Точнее, пока никакая не студия, а секция. Небольшая танцевальная группа. Я уже несколько месяцев прокручивала эту идею в голове, перебирая варианты, просчитывая расходы и каждый раз находя причину, почему сейчас не время. Слишком дорого. Слишком рискованно. Слишком много ответственности. Слишком мало опыта именно в самостоятельной работе. А потом я обычно сама себе отвечала: прекрасно, а когда будет подходящее время? В тридцать пять? В сорок? Когда у меня появятся свободные деньги, лишние нервы и ещё одна жизнь в запасе? Так можно ждать до пенсии.

Я остановилась возле перил и посмотрела на воду. Мне хотелось своё пространство. Небольшое, светлое помещение, где будут зеркала от пола до потолка, нормальное покрытие, музыка, шкафчики для детей и место, где родители смогут подождать своих маленьких танцоров. Мне хотелось самой выбирать расписание. Самой решать, какие группы брать. Самой придумывать занятия. И, если совсем честно, мне хотелось однажды открыть дверь в помещение с табличкой, на которой будет написано:

«Танцевальная студия Лизы Евсеевой».

Пусть даже сначала там будет три группы по семь человек. Пусть я буду одновременно тренером, администратором, уборщицей и человеком, который вечером считает деньги и думает, хватит ли на новый проигрыватель. Мне всё равно хотелось попробовать. Потому что в последние месяцы работа в детском центре стала всё чаще вызывать у меня странное ощущение. Я любила детей. Правда. Любила их непосредственность, смешные ошибки, серьёзность, с которой они иногда сообщали вещи вроде «мне сегодня нельзя прыгать, потому что мама сказала, что у меня недосып».

Но мне хотелось большего, не от них, а от себя. Я достала телефон и открыла закладки. Там был мой список. Я сама его называла «План захвата мира», хотя пока это был скорее план захвата одного небольшого помещения.

Аренда. Ремонт. Зеркала. Пол. Музыка. Реклама. Документы.

И рядом с последним пунктом стоял вопросительный знак. Я пролистала список и усмехнулась.

— Ну давай, Лиза, — пробормотала я. — Самое время начать взрослую жизнь.

Телефон тут же завибрировал. Сообщение от коллеги.

«Лиз, ты сегодня сможешь прийти пораньше? У Вари опять мама просит поменять музыку для выступления».

Я закрыла глаза. Вчера я уже достаточно наслушалась про ритуалы. Сегодня мне предстояло разобраться с Вариной мамой. Вот где действительно требовался талисман. Я убрала телефон и продолжила идти. Магазины с украшениями находились на соседней улице. Маленькая витрина, тёплый свет внутри, несколько деревянных подставок и надпись, которую я замечала раньше, но почему-то никогда не заходила.

Когда я толкнула дверь, над ней звякнул колокольчик. Продавщица подняла голову.

— Доброе утро.

— Доброе.

Я подошла к витрине. Янтаря было много. Крупные камни, маленькие подвески, бусы, серьги. Я наклонилась ближе. Вот это уже было серьёзно. Я выбирала минут десять, хотя сама себе обещала, что возьму первое понравившееся украшение. В итоге первое мне не понравилось, второе оказалось слишком массивным, третье слишком жёлтым, а четвёртое выглядело так, будто его только что сняли с шеи моей бабушки.

Наконец продавщица достала небольшую подвеску. Камень был тёплого медового цвета, неправильной формы, на тонкой цепочке. Я взяла её в руки. Красиво. И почему-то спокойно.

— Беру.

— Хороший выбор, — сказала женщина.

Я улыбнулась. Продавщица понимающе улыбнулась, хотя, судя по её лицу, решила совсем не то, что было на самом деле. Я заплатила, надела кулон прямо в магазине и вышла обратно на улицу. Солнце уже поднялось выше. Я коснулась пальцами янтаря, почувствовав его тепло. Глупость, конечно. Самая обычная покупка. Просто камень. Просто случайный разговор на остановке. Просто мужчина, которого я больше никогда не увижу. Я пошла дальше по аллее, уже совершенно не думая о вчерашнем. По крайней мере, я так считала. До тех пор, пока через несколько минут снова не вспомнила его глаза.

К работе я пришла за десять минут до начала первой группы, что для меня считалось почти подвигом. Обычно я приходила раньше, потому что дети обладают удивительным свойством появляться в тот момент, когда ты ещё не успел снять пальто, а родители - в тот же момент задавать вопросы, на которые желательно иметь ответы. В холле уже пахло влажными куртками, детским шампунем и чем-то сладким из автомата с перекусами. На диване сидела мама одного из моих учеников и пыталась одновременно застегнуть сыну куртку, собрать ему шарф и объяснить по телефону кому-то из родственников, что забрать ребёнка сегодня сможет только в половине шестого.

Я прошла мимо, улыбнулась и услышала вслед:

— Лиза, у нас сегодня точно танцы?

Я обернулась. Передо мной стояла Варя - маленькая, рыжеволосая, с двумя хвостиками, которые торчали в разные стороны так уверенно, будто им тоже хотелось участвовать в хореографии.

— А ты что, надеялась, что я передумала?

Варя серьёзно кивнула.

— Да.

— Отлично. Значит, у тебя всё ещё есть надежда на чудо.

Она вздохнула.

— Мама сказала, что у меня сегодня плохое настроение.

— А ты сама как думаешь?

Варя задумалась.

— Нормальное.

— Тогда будем работать с нормальным.

Она улыбнулась и убежала в зал. Я посмотрела ей вслед и улыбнулась уже сама. Вот за это я и любила свою работу. Дети не умели долго притворяться. Если им было скучно, они говорили, что скучно. Если им нравилась музыка, они танцевали даже тогда, когда музыка уже закончилась. Если они обижались, это длилось ровно до того момента, пока кто-нибудь не предложит им новую игру.

Взрослые были сложнее. Взрослые могли улыбаться и говорить «всё хорошо» с таким выражением лица, что становилось понятно: через пять минут начнётся война. Я только успела поставить сумку в шкафчик, когда в дверях появилась мама Вари. Та самая. Я сразу поняла по её лицу, что у нас сегодня будет продолжение вчерашнего разговора.

— Лиза, можно вас на минутку?

Конечно. Фраза «на минутку» в моей работе давно перестала иметь отношение ко времени.

— Конечно.

Мы отошли чуть в сторону.

— Я хотела ещё раз обсудить музыку для выступления.

— Давайте.

— Мне кажется, эта песня слишком... детская.

Я посмотрела на неё.

— В этом есть определённая логика.

Она не уловила шутку.

— Я бы хотела что-нибудь более современное.

— Варе восемь лет.

— Я понимаю.

— Тогда мы с вами уже знаем одну важную вещь.

— Какую?

— Она не должна танцевать под музыку, которую вы слушаете в машине.

Мама замолчала. Я тоже. Внутри у меня уже зашевелился тот самый человек, которого я обычно очень хорошо контролировала. Я вообще не была скандальной. Мне не нравилось ругаться, выяснять отношения, повышать голос и доказывать свою правоту человеку, который всё равно пришёл уже с готовым мнением.

Но иногда хотелось. Очень. Особенно когда взрослый человек пытался объяснить мне, как правильно заниматься с ребёнком, хотя сам видел тренировочный зал примерно столько же раз, сколько я видела внутренности космического корабля. Я улыбнулась.

— Давайте сделаем так. Вы покажете мне три варианта музыки, которые нравятся вам, я покажу три, которые подходят для выступления Вари. А потом попробуем найти что-нибудь между ними.

— А если я всё равно буду считать, что ваш вариант слишком простой?

— Тогда мы оставим простой вариант и будем надеяться, что Варя переживёт эту трагедию.

На лице женщины впервые появилась улыбка.

— Вы всё время шутите?

— В основном когда хочется сказать что-нибудь другое.

Она рассмеялась.

— Хорошо. Договорились.

Когда она ушла, я посмотрела ей вслед и тихо выдохнула. Вот по этому я и не хотела становиться руководителем. Потому что руководителю пришлось бы ещё и решать, кому сегодня можно сказать, что он неправ. А я предпочитала просто объяснять. Спокойно. С улыбкой. Иногда с очень выразительной улыбкой. Я вошла в зал и включила свет. Большое зеркало отра-

зило меня во весь рост. Я машинально поправила волосы, коснулась пальцами нового кулона и вдруг увидела своё отражение чуть иначе. На шее поблёскивал янтарь. За спиной - привычный зал. Старый линолеум, который давно просился на пенсию. Зеркала, на которых кое-где уже появились потёртости. Музыкальная колонка, которую приходилось иногда уговаривать работать. И дети. Мои дети. Точнее, не мои, конечно. Но всё равно мои.

Я посмотрела на зал и вдруг совершенно отчётливо поняла, что больше не хочу ждать. Эта мысль пришла без красивой музыки, без озарения и без каких-нибудь знаков свыше. Просто пришла. Я давно могла хотя бы посмотреть помещение. Не подписывать договор. Не брать кредит. Не увольняться. Не продавать почку и не становиться женщиной, которая рассказывает друзьям о невероятных возможностях пассивного дохода. Просто посмотреть.

Я достала телефон. В заметках у меня давно был сохранён один номер. Я нашла его почти сразу. Объявление я увидела ещё пару недель назад совершенно случайно: небольшое коммерческое помещение недалеко от парка, с отдельным входом, большими окнами и достаточно просторным залом. Цена была выше, чем мне хотелось, но не настолько, чтобы сразу закрыть страницу. Тогда я решила, что сначала нужно всё просчитать. Потом ещё раз просчитать. Потом немного испугаться. Потом отложить. В общем, стандартная схема, по которой взрослые люди иногда очень успешно ничего не делают. Я открыла объявление. Посмотрела фотографии. Высокий потолок. Светлое помещение. Большие окна. Ровные стены. Я задержала взгляд на последней фотографии. Вот оно. Я могла представить там зеркала. Станки. Детей. Музыку. Себя. И вдруг поймала себя на том, что улыбаюсь.

— Ладно, — сказала я тихо. — Сдаёшься, Лиза.

Палец завис над номером телефона. Я ещё несколько секунд смотрела на экран, после чего нажала кнопку вызова. Гудок. Второй. Третий.

— Слушаю.

Мужской голос был спокойным и немного хриплым. Я выпрямилась.

— Здравствуйте. Я звоню по поводу помещения.

— Какого?

Я назвала адрес. На другом конце повисла короткая пауза.

— Вы хотите посмотреть?

— Да.

— Когда?

Я посмотрела на часы.

— Сегодня сможете?

— Смогу.

— Тогда...

Я замолчала. Почему-то мне стало неловко. Хотя ещё минуту назад я собиралась совершить величайший предпринимательский рывок в своей жизни.

— Давайте в шесть, — предложил мужчина.

— Хорошо.

— Договорились.

— До встречи.

Я отключила телефон и ещё несколько секунд смотрела на него. Странное дело. Я всего лишь договорилась посмотреть помещение. А ощущение было такое, будто только что подписала контракт с собственной будущей жизнью. Из раздевалки донёсся голос Вари:

— Лиза! А мы сегодня будем прыгать?

Я убрала телефон в карман.

— Будем!

— Много?

— Настолько, чтобы твоя мама потом не смогла сказать, что мы слишком мало занимались.

Из зала раздался дружный смех. Я улыбнулась и пошла включать музыку.

В шесть часов мне предстояло увидеть помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.